

---

---

В. И. АЛЕКСАНДРОВ

## МУДРОСТЬ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

История общественной жизни отмечает, что на протяжении ее развития появляются люди, которые посредством своей деятельности существенно выделяются среди современников. Одних называют гениями, других – талантами, третьих – героями и т. п. Наряду с ними имеются индивиды, которых называют мудрецами. Понятие «мудрец» относится не только к человеку, но и к народам. Мы говорим о мудрости древних восточных народов, народов ману, ацтеков, майя. Отмечаем, что у каждого древнего народа есть пантеон своих богов, где имеется свой бог мудрости. В древности к мудрецам относили пророков, жрецов, астрологов, некоторых магов и поэтов. Для западноевропейского региона классическим примером является наличие «корпуса» мудрецов в Древней Греции.

На первый взгляд понятие мудрости ясно всем. Уже со школьной скамьи (если не раньше) человек знакомится со словами «мудрость», «мудрец», которые ассоциируются с выработкой сверхчеловеческих качеств и становятся своего рода идеалом теоретической и поведенческой жизни человека. Понятие «мудрость» для индивида выступает как предел достижений человеческих стремлений, а мудрец воспринимается в качестве человека, овладевшего мудростью. Представляется, что мудрец охватывает все богатство идей реальной действительности. Он способен превратить идею, лишенную материальности, в материальную реальность. Такое представление о мудрости является естественным. Однако по настоящее время сохраняется стремление связать мудрость лишь со знанием. Всякий раз, когда речь заходит о мудрости, ее наделяют многознанием. Между тем, как мы полагаем, мудрость не сводится к совокупности знаний. Она по своей сущности выражается во всеобщей идее бытия, представляющей все богатство мира. Существо, которое может целостным образом войти в ткань мудрости, стано-

вится мудрецом. Мудрец наделяется способностью одухотворять неодухотворенную часть Вселенной.

О мудрости сказано много. О ней говорили уже в Древнем Египте. Античность в стилизованной форме (Гесиод, Гомер) персонифицировала образ мудрости в мифическом существе (Метиде, затем Афине), представляющем всеобщее бытие Разума Бога. Неоднократно предпринимались попытки дать определение мудрости, которое всеми бы разделялось, но до сих пор безуспешно. Тем не менее, выделены признаки и свойства феномена (Аристотель), которому дается имя «мудрость». Учитывая это, автор данного материала не предпринимает попыток выработать какое-то определение мудрости. Цель статьи иная: выяснить место пребывания мудрости, к освоению которой стремятся люди, и разобраться, существует ли в реальности феномен, называемый мудростью, или мудрость – очередной миф, порожденный человеком; наряду с этим выяснить смысл существования мудрости и ее практическое значение для человечества. Нам это необходимо сделать для того, чтобы выяснить, жива ли мудрость, или она выброшена на помойку, как представляют себе некоторые мыслители (Э. Гуссерль и др.).

### **Подходы к осмыслению мудрости**

Реальный процесс общественной жизни показывает, что всякий последующий этап развития рассматривает прошедший как несовершенный, страдающий массой ошибок и т. п. Действительно, новый исторический этап жизни совершеннее предшествующего. Но это не означает, что человек полностью изменяет процесс общественного развития, ранее имевший место. Как правило, люди еще при рождении застают уже сложившийся образ жизни. Они «вписываются» в него так, что усваивают историю и традиции предыдущего поколения, которое в какой-то степени выступает образцом их жизни. Но это не означает, что последующее поколение умнее, мудрее предыдущего, хотя и обладает большим знанием. Безусловно, последующее поколение знает больше, чем прошедшее. Но, находясь в частном отношении к средствам производства (а до сих пор жизнь человека находится в условиях частнособственнических отношений), от увеличения знания люди не становятся умнее, тем более мудрее. Каждый раз разум и практическая деятельность лю-

дей дают им знать об их несовершенстве. Корректно ли говорить о совершенстве несовершенному человеку?

Не может быть такой ситуации, чтобы один человек как производное от несовершенной общественной жизни проявил бы себя как совершенный индивид или превзошел бы других целостностью своей жизни. Часто бывает так, что человек, сделав что-то, за что прослыл мудрецом, со временем добивается такого успеха, который превосходит прежний результат в несколько раз. Но звание мудреца этот человек не теряет. Такое положение дел вынуждает нас рассматривать ранее полученный результат как менее совершенный. А это приводит к тому, что на фоне нового результата мы должны старый результат признать как несовершенный, в то время как новый принять за совершенство. При этом за данным человеком как в первом, так и во втором случае остается звание мудреца. Получается так, что один и тот же индивид (до первого результата своей деятельности, когда он был еще не мудрым), будучи немудрым, в процессе своей работы становится мудрым. Рождение и реализация новой идеи, которая превосходит старую идею, превращает человека из мудреца в немудреца (как отрицание старого результата), а потом вновь делает его мудрым. Такая естественная жизненная ситуация, к сожалению, сопровождает людей, которых, как правило, называют мудрецами.

С другой стороны, в каждый исторический период в любом обществе есть индивиды, благодаря которым общество получает возможность прогрессивного развития. Как быть в данном случае? Как назвать этих людей? Понятно, что отдать им дань благодарности необходимо. Первым человеческим движением души их заслуг кажется достойным присвоение им высшего титула – Мудрец. Но Мудрец – это высший и последний титул. В несовершенных условиях (отсутствие социальной однородности) индивид всегда ушибен, и в этом состоит человеческая трагедия. Каждый раз разум и практическая деятельность дают людям знать об их несовершенстве. «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас вась думаеть быть мудрым въ веке семь, тотъ будь безумнымъ чтобъ быть мудрымъ.»<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Первое Послание къ Коринфиянамъ Святаго Апостола Павла: 3, 18 // Библия, или Книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – С. 1435.

Содержание слов «мудрость» и «мудрец» в общей языковой коммуникации мало чем отличается в большинстве своем от их употребления в научно-теоретической литературе. Мудрец и мудрость рассматриваются в двух аспектах: божественном и земном.

В божественном понимании мудрость никогда не может быть достигнута человеком, как бы он ни стремился к ней. «Мудрость же мы проповедуемъ между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящихъ.»<sup>2</sup> Здесь мудрость отделена от индивида; она находится за пределами земной человеческой жизни. Для того, чтобы стать мудрецом с этой точки зрения, человек должен утратить свою земную основу и приобрести божественный статус. «Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание въ ноздрях его, ибо что он значить?»<sup>3</sup> Только став божественным, существо может овладеть мудростью и превратиться в мудреца. Тогда мудрец становится неотъемлемой стороной целостной Вселенной. Он – представитель космического целого. Он действует как непосредственный представитель космического Разума, способный не только охватить мироздание в целом, но и творить, одухотворять неодухотворенные области Вселенной. Старая метафизика рассматривала мудрость как атрибут Бога. Полагали, что у Бога множество атрибутов: бессмертие, вечность, всеобщность, абсолют, бесконечность, единое, любовь, мудрость и ряд других, рассудком не выделяемых феноменов. Находясь у Бога, все они и тождественны, и различны. С этой точки зрения атрибуты не различались там, где они представляли Бога во всем Его богатстве (целостности); как атрибуты они сливались с Ним. Различие же их заключалось в индивидуализации, когда атрибуты получали самостоятельность бытия. Мудрость, хотя и производна от Бога, но к нему несводима.

В мифологической традиции Древней Греции Зевс – бог всех богов. Богиней мудрости является Афина. Зевс стоит выше Афины, поскольку в его внутреннем содержании имеется атрибут мудро-

---

<sup>2</sup> Первое Послание къ Коринфиянамъ Святаго Апостола Павла: 2, 6 // Библия, или Книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – С. 1434.

<sup>3</sup> Книга Пророка Исаии: 2, 22 // Библия, или Книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – С. 845.

сти. Но, будучи богом всех богов, Зевс содержит в себе все богатство существующего и несуществующего, и он не в состоянии персонифицировать себя в каком-то одном атрибуте, ибо тогда перестанет быть тем, кем является, – всеобщим: он выразит себя в каком-то одном атрибуте. Он будет выступать в качестве собственной самостоятельной рассудочно-мыслительной и действующей в соответствии с этой стороной. Зевс порождает Афину, которая представляет собою конкретно существующий его атрибут. Будучи равной богу (в единстве всех мыслительно-разумных действий), она, тем не менее, стоит ниже его. Ниже бога стоят и другие боги, обладающие своей спецификой и в то же время имеющие общий признак бога всех богов – бессмертие. Вместе с тем боги боятся гнева Зевса, поскольку он их может испепелить. Здесь имеет место противоречие, которое связано с тем, что боги, будучи бессмертными, тем не менее могут прекратить свое существование. Это противоречие связано с тем, что единый бог, испепелив одного из своих богов, не уничтожает его, а придает ему иную форму бытия. Если перевести эту ситуацию на человеческий язык, то в небесном мире происходит все время обновление богов: одни, по словам Демокрита, рассеиваются, другие, по словам Эпикура, появляются. Наиболее точно выразил эту мысль Гераклит: мы живем смертью богов, боги живут нашей смертью<sup>4</sup>, то есть смерть бога означает рождение человека (приобретение новой формы), а смерть человека – появление бога. Это положение можно прокомментировать по-разному. Если исходить из индийской традиции, из понимания орфиков и Платона о переселении душ, то тогда «испепеляются», «рассеиваются» те души, которые покидают небесный мир и переходят в земной мир так, что «человек берет себе с неба ангельскую породу, и небу подобен»<sup>5</sup>. Применительно к нашему разговору как бы ни мигрировали люди и боги, никогда и никто из людей не достигнет содержания определенного атрибута отторгнутого от свойства единого бога («функционального» бога). Это во-первых. И, во-вторых, никогда не произойдет подмена «функции» одного атрибута единого бога другим. Богиня любви и красоты (Афродита) нико-

---

<sup>4</sup> См.: Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. – Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989.

<sup>5</sup> Юнг, К. Г. Собрание сочинений. Дух Меркурий. – М.: Канон, 1996.

гда не станет богиней мудрости (Афиной) или наоборот. У каждой богини своя «функция», свое «предназначение». Так и человек никогда не станет мудрецом (он только может быть причастным к мудрости), хотя и имеет (согласно данному подходу) тенденцию стать богом. В старой метафизике мудрость рассматривалась как атрибут бога. Бог сочетает в себе все свои атрибуты. Помимо атрибутов бог, будучи единым, обладает внутренним и внешним бытием. Наличие и взаимодействие внутреннего и внешнего как единство бога и его атрибутов может иметь несколько представлений. Мы склоняемся к тому, что поскольку бог сочетает в себе все богатство атрибутов, постольку все они принадлежат к его содержанию. Бог, эмануруя свои атрибуты, не отнимает у них своего содержания. Атрибуты, отходя от бога, приобретают относительно самостоятельное бытие. При этом они не теряют содержание бога; то есть каждый атрибут, покинувший основание бога, остается своим содержанием при боге. Отделившись от бога, атрибут существует самостоятельно. Он становится частичным бытием (ибо является одним из множества других атрибутов единого бога). Атрибут, отделившись от бога и став частичным (но одновременно являясь самостоятельной целостностью), обладает внешней и внутренней сторонами. Стороны совпадают с содержанием бога. Форма бога (как проявление атрибутов) становится для атрибута собственным содержанием. Строго говоря, атрибуты сами по себе не существуют. Самостоятельное бытие атрибут приобретает только тогда, когда входит в отношение с другими атрибутами, предметами, процессами и т. п. В качестве аналога может служить такой пример. Ребенок в семье является ее принадлежностью и находится в отношениях с родителями. Выходя за рамки семьи, он не теряет связь и сущность семьи. Ребенок может быть у друзей, в школе, в парке и т. п., но по содержанию сохраняет отношения с семьей, хотя проявляет себя в отрыве от семьи различным образом. Так и атрибут, например, мудрость сама по себе ничто, если с ней никто не связан. Она становится таковой только тогда, когда кто-то стремится овладеть ею. Но достичь ее содержания может только божественное существо, ибо оно является непосредственным выражением Бога. Однако это не означает, что иное (не божественное) существо не в состоянии войти в соприкосновение с мудростью и приобрести ее

качества и свойства. Существо, соединяясь с мудростью, способно наполниться содержанием внешней стороны (формы) последней ровно настолько, насколько позволяет уровень развития существа. Внутреннее содержание мудрости остается за пределами существа (ибо оно – содержание бога). Существо осваивает мудрость только абстрактным образом, то есть с одной стороны (формы). Смертный не может охватить всего богатства идей, действий и ряд других особенностей, имеющих в мире. Он не способен применять их в соответствии с общей ситуацией, обстановкой. Для этого необходимо видеть прошлое, настоящее и предугадывать будущее, что присуще не смертному, а вечному (мудрости).

Мы уже говорили, что, отделившись от бога (как его атрибут), мудрость в качестве самостоятельного целого получила способность наделять частично своим основанием (мудростью) того, кто к ней стремится. Это означает, что мудрость в качестве самостоятельной сущности находится за пределами того, кто к ней стремится; мудрость в этой ситуации первое к ней стремящегося. То существо, которое постигает содержание мудрости, превращается в мудреца. Религиозная тенденция полагает, что «Бог вначале открыл свою Мудрость пророкам: следовательно, она целиком содержится в Священном Писании»<sup>6</sup>. И хотя некоторые теологи пытались «приспособить» мудрость к человеку, понимая ее как совокупность «иерархически организованных наук, каждая из которых извлекает свои принципы из науки, стоящей непосредственно выше нее»<sup>7</sup>, но в конечном счете вынуждены были признать, что свыше стоят Священные Писания, которые превосходят всех людей.

Мудрость существует объективно, самостоятельно, независимо от человека. Несмотря на то, что она – свойство бога и находится за границей человека в виде объекта (в данном случае Священного Писания), тем не менее, оно проявляет себя к человеку как субъективное, согревающее и подающее индивиду надежду в достижении себя и обладании собой. Божественное понимание мудрости своей перспективой ведет человека в заоблачную высь, где у индивида

---

<sup>6</sup> Жильсон, Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV в. – М.: Республика, 2004. – С. 431.

<sup>7</sup> Там же.

появляется возможность стать божественным, стать святым. Стало быть, человек, несмотря на то, что никогда не может стать мудрецом, тем не менее, причастен к мудрости, ибо при определенных обстоятельствах она может его посетить, задеть одной из своих сторон. Мудрость посещает человека ровно настолько, насколько человек может быть причастен к мудрости. Слово «причастен» говорит о том, что человек обречен владеть только частью мудрости, ее какой-то стороной. Овладение целостной мудростью означает превращение человека в бога, что делает бессмысленным разграничение человека и мудрости. Следовательно, существо, достигшее своего высшего развития в человеке, но еще не перешедшее в божественную сферу, всегда обнаруживает себя в лучшем случае как частичный, ущербный мудрец. Даже те святые, пророки, великомученики, которые приходят на Землю для того, чтобы помочь людям разрешить насущные проблемы жизни, находясь в человеческом теле, не достигают полноты мудрости. Это обусловлено тем, что они становятся представителями физического мира. Они имеют способность выходить из материального видимого бытия в невидимый, тонкий мир реальных сущностей. Но получают они из мира тонкой реальной сущности не мудрость, а мысли и действия, знание природы вещей и духов и возможности реализации получаемых свыше знаний применительно к вещам и душам видимого мира. И эти знания они передают людям не языком мира тонкой реальной сущности, а огрубленным языком, присущим физической реальности.

Таков один из подходов понимания места пребывания мудрости и ее реального бытия.

Существует и прямо противоположное мнение. Оно утверждает, что человек посредством своих знаний и дел сам генерирует мудрость. Никакой мудрости вне человека нет. Человек имеет все возможности и способности для того, чтобы своими собственными силами стать мудрецом. Человек в процессе жизни имманентно развертывается так, что нарабатывает знания, опыт и всевозможные способы практической деятельности до такой степени, что подавляющему большинству современников это не под силу. За это такого человека и называют мудрецом. Мудрость – свойство человека, которое может быть выработано и приобретено человеком.



В качестве доказательства обращаются к Платону, который считает, что мудрости можно научиться.

Когда Платон устами Сократа говорит об обучении мудрости, то под мудростью понимается философствование, вырастающее на основе знания, которому действительно можно учиться. Сама же мудрость, по Сократу, есть принадлежность бога; она у бога. И Сократ подтверждает это, говоря, что мудрость у бога, а он, Сократ, только любитель мудрости; на основе любви к мудрости Сократ лишь стремится к ней.

В наши дни также широко распространено в философской, научной и художественной литературе воззрение, согласно которому человек может стать мудрецом. Т. И. Ойзерман проводит мысль, согласно которой человек, опираясь на свои силы, приходит к вершине мудрости<sup>8</sup>. В. Б. Миронов в книге «Пир мудрецов», обращаясь к развитию цивилизации, представителей творческой интеллигенции и умных людей, приводит многочисленные примеры проявления человеческой мудрости<sup>9</sup>. А. Н. Чанышев в «Вестнике МГУ» опубликовал обширное исследование понимания мудрости и попытался дать ей классификацию<sup>10</sup>. Утверждается, что человек может своими силами достичь мудрости в той или иной сфере деятельности. В результате мудрость из неспециализированной области превратилась в специализированную форму.

Как мне представляется, мудрость по своей природе неспециализированна. Мудрость является всеобщим бытием Разума и способом его проявления. Мудрость как целостное явление нефункциональна и непрофессиональна. Она – выражение всего результата жизни человечества, сочетающая в себе все богатство знания и соответствующего ему действия в сфере физического и тонкого миров<sup>11</sup>. Она отображает целостным образом способ жизни не человека, а человечества. Становясь фрагментарной (специальностью), мудрость теряет свою специфику и перестает быть всеобщей, она становится частной.

---

<sup>8</sup> См.: Ойзерман, Т. И. Проблемы историко-философской науки. – М., 1969.

<sup>9</sup> См.: Миронов, В. Б. Пир мудрецов. – М., 1994.

<sup>10</sup> См.: Чанышев, А. Н. Философия как «филология», как мудрость и как мировоззрение // Вестник Московского университета. – Серия «Философия». – 1995. – № 5–6; 1996. – № 6; 1998. – № 1.

<sup>11</sup> См.: Штайнер, Р. Мистерии древности и христианство. – М.: СП «Интербук», 1990.

У человека более высокого титула, чем «мудрец», нет. Человек, становясь мудрецом, достигает вершины своего совершенства. Но если человек достиг своего предела, то есть стал мудрецом, то тогда он останавливается в развитии; он приходит к отрицанию своей человеческой сущности. Не более чем недоразумением мы можем назвать такие суждения, как «он мудрее его», «у него мало мудрости», «он более мудр» и т. п. Говоря, что кто-то мудр, мы хотим выделить некоторые особенности теоретических и практических способностей, имеющих в большей мере у одного индивида, нежели у другого. Но наделяя индивида мудростью, мы ставим тем самым предел его развитию. А между тем человек развивается и преодолевает ранее имевшиеся у него достижения. И здесь невольно возникает вопрос: «А что, индивид в результате своего развития становится все мудрей и мудрей?» Или мы сгоряча, не подумав, в силу определенных обстоятельств назвали его мудрым? Тогда получается, что человек не изменяется, а остается в ранге мудреца до конца своей жизни. Это полностью исключено, ибо человек в силу своей природы является универсально всеобщим, а это означает, что ему нет предела в развитии: он всегда развивается. Если человек в процессе своего развития постоянно преодолевает ранее имевшийся уровень, то бывшее его состояние мы можем считать субстанцией (ведь человек стал мудрецом). Но на этом жизнь человека не прекратилась. Человек продолжает развиваться. И его развитие направлено к мудрости (к освоению иных принципов общественного бытия, которых раньше не было). В такой ситуации мудрец вынужден приобретать мудрость. Тогда субстанция (мудрец) переходит в свойство (мудрость). Это во-первых. Во-вторых, само свойство имеет степенное выражение, не затрагивающее основания. В-третьих, мы оказываемся в ситуации, для которой нет критерия, позволяющего остановить неумемное движение степени: человек все время находится в процессе, превышающем свою ограниченность: человек становится все мудрее, мудрее, мудрее. А когда же наконец (если он может стать мудрым) человек успокоится и станет мудрым (и станет ли)? Думается, что степенное понимание мудрости – недоразумение. Такое понимание мудрости приобретает субъективный характер. Тогда можно назвать любого человека мудрым. А если человек, изменяясь, пребывает в ранге мудреца, то говорить о мудрости индивида бессмысленно. Он или останавливается в развитии (это исключено), и тогда он не мудрец, или

ранее имевшие место его способности не соответствовали действительности, то есть он не был мудрым.

Платон в диалоге «Пир» говорит, что боги не философствуют и не пытаются стать мудрыми, поскольку они уже мудры. А мудрый не стремится к мудрости, ибо он уже мудрец. К мудрости не стремится и невежда. К мудрости стремится тот, кто стоит между мудростью и невежеством<sup>12</sup>. Это своего рода интервал, в котором существует стремящийся к мудрости. Стало быть, мудрость одна, а тех, кто стремится к ней, много. И пока будет стремление к мудрости, будет существовать и этот интервал. А как быть в том случае, когда люди преодолеют невежество? И могут ли они преодолеть невежество в условиях Земли?

По Платону невежество связано с неведением, приводящим к злу, называемому глупостью. Невежественный человек – это человек, введенный в заблуждение<sup>13</sup>. Это человек, лишенный знания. Такое понимание невежества говорит о том, что всегда будет часть людей, к которой можно отнести это определение, ибо человек по своей природе несовершенен; у него рабская природа (Аристотель). Следовательно, добро и зло будут сопровождать людей до тех пор, пока сохраняются развлечение и труд, справедливость и несправедливость, знание и незнание. И на этом фоне будут разворачиваться противоречия между любовью к мудрости, питающейся божественным порывом к совершенству, и невежеством, предающимся пиршествам и подобным развлечениям и забавам<sup>14</sup>.

Присвоение человеческому индивиду титула «мудрец» означает перевод человека в ранг предельного бытия. Здесь можно было бы сослаться на религию, которая считает человека божественным существом. И это явилось бы своего рода оправданием использования понятия «мудрец». Возникает дополнительная сложность: будучи божественным, этот индивид должен обладать признаком божественности – бессмертием. Но человек – смертное существо. Правда, бессмертие можно рассматривать не только по биологическому, но и по социальному основанию. И тогда бессмертие будет связано с результатами человеческой деятельности, остающимися

---

<sup>12</sup> См.: Платон. Пир / Платон // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 114. (Пир. 204 b.)

<sup>13</sup> См.: Он же. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1993. – Т. 3. – С. 55, 57, 146.

<sup>14</sup> Он же. Указ. соч. – Т. 2. – С. 188, 191.

после жизни человека, а не с биологической вечностью. Старость – спутница мудрости. Нет мудрости без старости. Но не всякая старость – мудрость. Молодой не может быть мудрецом. Когда речь идет о старости, то здесь имеется в виду не какой-то земной, конкретно взятый старый человек, а общее состояние социальной формы движения, формирующей жизнь социального существа. Вместе с тем под «старостью» в данном случае следует понимать и совокупность всех ранее прожитых и еще предстоящих прожить обществу жизней на Земле до приобретения способности одухотворять Вселенную своим творчеством.

Мудрец тот, кто овладеет этой особенностью. Понятно, что отдельно взятому человеку достичь такого состояния невозможно принципиально. В то же время мудрость как самостоятельное, объективное явление должно иметь место в реальности, ибо к ней стремятся люди.

И вновь возникает уже поставленный вопрос: «Где пребывает мудрость?» Мифология древних народов говорила, что воплощением мудрости является сверхъестественное существо, находящееся за пределами земной сферы. Ученые видят мудрость в знающем человеке. Философы видят мудрость в уме и знании, охватывающем всеобщность. Мы полагаем, что мудростью является социальная форма движения материи как атрибут Вселенной. Вот к ней и стремятся люди.

Итак, мы выяснили, что божественная мудрость находится в мире тонкой реальной сущности. А домом смертного человека является система общественного бытия, которая строится самим же человеком. Но мудрость находится не у человека, а за его пределами, и своей собственной жизнью человек пытается достичь ее. Каковы же должны быть условия, чтобы человек достиг мудрости?

### **Условие существования любви к мудрости**

По своей сущности в условиях земной жизни человек – общественное существо, а это значит, что стремление к полноте общественной жизни реализуется не индивидуальными, а совместными, общественными усилиями. И чтобы человек ни сделал, – это будет результат влияния общества на индивида; проявление общественного бытия.

Способность творчества индивид получает от социума. Мыслит не человек, а социум. Поскольку человек является результатом бытия социума, постольку он и наделяется всеми существенными и коренными признаками и свойствами социума. Способность мыслить – не индивидуальная, а социальная способность, которую на протяжении всей своей жизни развивает индивид. И познает не индивид, а социум, научное сообщество. Индивид – агент процесса познания, пчела, доставляющая нектар в улей. Приобретение индивидуумом основных признаков и свойств социума начинается уже в эмбриональном состоянии. Появившись на свет, индивид с первого же дня начинает наполняться признаками общественного бытия. И сформировавшись (то есть наработав основу социума), начинает относительно самостоятельно проявлять себя как индивидуальное социальное существо. Складывается представление, что все достижения индивида – проявление индивидуального, независимого от общественного бытия действия. Генезис изначального социального основания гаснет. Все достижения индивида, которые (отчасти) действительно ему принадлежат, приписываются только индивиду. А то, что получить и реализовать их человек смог только благодаря социуму и что только общественное бытие позволило ему выделиться, остается за кадром его собственного понимания и редко замечается людьми. Тем не менее, социум учитывает особенности и достижения индивида. Чем больше человек берет на себя заботы общественной жизни как собственные, тем больше он проявляет себя как общественное существо, тем выше он оценивается социумом.

При наличии частной собственности на средства производства общественная форма жизнедеятельности людей находится в прямом противоречии с индивидуальной жизнью человека. Общественный характер бытия человека подавляется индивидуальным способом жизни. Практически каждый индивид в повседневной жизни стремится упрочить прежде всего не общественную жизнь, а свою собственную. Упрочение общественного бытия осуществляется не благодаря достижениям индивидуальной жизни, а вопреки ей; косвенным образом. В результате проявления данной тенденции всегда страдает общество. Иногда противоречие общественной и индивидуальной жизни доходит до предела и заканчива-

ется социальным конфликтом, в котором, как правило, страдает индивид. Все социальные конфликты в конечном счете возникают в результате наличия в обществе внутреннего антагонизма, который обусловлен непримиримым противоречием общественного и частного способов бытия. Сюда еще следует добавить неполноту общественной жизни, связанной с наличием двойственной структуры человека как биологической и социальной сторон.

У Аристотеля имеется положение, что человек является посредником между животным и божественным мирами. Если перевести эту мысль на диалектико-материалистическую основу (что, впрочем, имеет историческую тенденцию), то она означает, что человек находится в развитии от биосоциального к социальному содержанию. Это говорит о том, что человек развивается согласно своей природе – социальной сущности. Он должен оставить биологическую сторону за своими пределами, поскольку в условиях земной жизни человек по своей сущности не биосоциальное, а социальное существо. Социум является переходной ступенью человека от биологической жизни к собственно социальному его бытию (согласно Аристотелю, Фоме Аквинскому, Тейяру де Шардену и другим – к божественному существу, мы бы сказали – к социальному существу). Индивид, относящийся к роду «человек» и находящийся в социальной среде, в процессе жизни становится человеком. Формирование индивида как человека изначально происходит в социальной среде. Индивид «наполняется» социальной сущностью. Поэтому уже изначально человек – общественное существо (по К. Марксу). Следовательно, стремление людей к определенной желаемой цели должно осуществляться не индивидуальными, а совместными усилиями.

Общество, имеющее внутренний антагонизм, не может быть полноценным организмом, формирующим полноценное социальное существо. Такое общество является дискретным организмом. Многообразие общественных форм, существующих на земле, обусловлено историческим общественным разделением труда и в частности отделением умственного труда от физического. Результатом такой дифференциации явилось противоречие между общественным характером труда и частным способом присвоения общественного продукта, что породило социальный антагонизм. Ранние исторические процессы повлекли за собой существование ча-

стной собственности на средства производства и породили социально-классовую структуру общества. Естественная совместная взаимосвязь людей распалась. Ее место заняло разъединение людей как один из возможных типов повседневной связи индивидов. Историческое общественное разделение труда наложило свой отпечаток на всю общественно-производственную жизнь людей. С одной стороны, оно позволило укреплять человеку свою сущность и развивать свои способности. С другой стороны, оно породило антагонизм между людьми: жизнь одного индивида стала утверждаться за счет подавления (эксплуатации) многих других (ему подобных по природе) индивидов. Назвать такую ситуацию собственной историей человечества некорректно, ибо, во-первых, отсутствует социальное единство, дающее возможность каждому индивиду всесторонне развивать свои естественные природные задатки и способности, выражающие собственную природу человека (по К. Марксу). Во-вторых, поскольку человек – социальное существо, постольку он должен быть целью общественного развития, а не средством для достижения целей общества. И, в-третьих, для реализации единства сущности человека (как свободного универсально-всеобщего творческого существа) и его существования (осуществления в повседневной жизни свободного универсально-всеобщего творческого процесса) общество должно создать условия. А для этого общество само должно быть свободным. В свободном обществе каждому индивиду предоставляются все условия для реализации внутренней потребности в творчестве.

В условиях социального неравенства у подавляющего большинства людей отсутствует осознанная потребность в творчестве, которая должна прийти на смену труда. Более того, у этих людей, как правило, нет даже мысли о творчестве. Но это не означает, что человек как общественное существо, одним из признаков которого является творчество, не реализует себя с этой стороны. Не мысля о творчестве, находясь в биосоциальном состоянии, индивид спонтанно, фрагментарно, зачастую неосознанно в своей повседневной жизни фиксирует себя как творческое существо. Задача социума должна сводиться к тому, чтобы каждый человек в своей повседневной жизни в системе общественного бытия проявлял бы себя как творческое существо.

В условиях социального неравенства решить эти вопросы невозможно. Поэтому период, проживаемый людьми в состоянии внутреннего общественного антагонизма, является предысторией человечества. Только с уничтожением частной собственности как базового основания социального антагонизма будет сформирован социально однородный организм, создающий условия для реализации природных задатков и способностей каждому индивиду. Тем самым будет сформирован единый социальный организм – человечество. Жизнь каждого человека станет собственно природной, и человечество войдет в свою собственную историю. Это будет первый шаг человечества в организации социальной формы движения как атрибута Вселенной. В процессе формирования атрибута Вселенной каждый человек должен быть не только всесторонне развитым индивидом (это достигается в условиях социально однородного общества), не только талантом и гением (по Э. В. Ильенкову), но и **мудрецом**, способным совместной силой сублимированной мысли **творить** Вселенную. Творчество, выпадающее на долю социальной формы движения, заключается в одухотворении неодухотворенных уголков Вселенной. Вселенная должна быть живым организмом. Само собой разумеется, что создать образ будущей Вселенной человеку, еще не вышедшему из животной формы, очень сложно (если не невозможно). Но идея, начиная с древнеегипетского периода, и по сей день витает в воздухе. И философы обязаны исходить из нее, ибо их дело иметь отношение с всеобщей идеей, а не со знанием, которое является в большей степени арсеналом не социальных, а животных существ. Собственно человеческим является не знание, а идея. Нижний уровень знания появляется с возникновением биологического существа. Его собственная основа формируется у первобытных людей (*Homo habilis*). Достигая своего высшего уровня, знание с появлением *Homo sapiens* перетекает в понимание и понятие. Вступает в силу понятие (понимание). Когда человек достигнет своей социальности (единства своей сущности и способа бытия), основной единицей его интеллектуальной структуры будет идея. Но это очень далекая перспектива (кстати, к которой медленно и незаметно, но идет человек). Понятно, что это голая схема, которая ни в коем случае не претендует на единое представление о тенденции духовного развития человечества. Строгих



границ, отделяющих знание от понимания и идеи, провести невозможно. Зоопсихология, например, имеет в своем арсенале множество примеров, которые показывают, что животные в экстремальных условиях выходят на уровень понимания. Люди, которые ухаживают за растениями, отмечают, что доброе отношение и ласковые слова, сказанные растению, благотворно оказывают влияние на его рост. Конечно, можно опуститься и еще глубже. Вода, например, изменяет свою структуру и свойства в результате определенного к ней отношения экспериментатора. На наш взгляд, лишить элементов знания воду неправильно. Основой знания являются фиксированный след отраженной реальности и способности этого следа обнаруживать (проявлять) себя<sup>15</sup>. В таком понимании основа знания присуща всей материи в виде ее свойства. Но степень ее проявления зависит от носителя, отражающего воздействие. С появлением головного мозга отражение реальности происходит посредством идеального образа. Способность существа изменять реальность в соответствии с идеальным образом является знанием. Знание связано с преобразованием окружающей реальности. Знание, направленное на изменение субстратом (носителем) своей сущности, перерастает в понимание. Понимание характеризуется общностью целей, приводящих людей к организации единого организма, который лишен внутреннего антагонизма. Понимание имеет место там, где выстраивается (формируется) социально однородный организм. О наличии идеи и проявления ее мы не будем говорить.

Современное состояние всех существующих на Земле обществ таково, что идет процесс перехода знания в понимание<sup>16</sup>. Знание – нижний уровень интеллекта *Homo sapiens*. На основе знания человек не может освоить полноценным образом мудрость. Не формирует мудреца и действие человека на уровне понимания. Мудрость вырастает только на почве освоения идеи. Однако человек, вставший на путь понимания (а не знания) и выходящий на уровень соприкосновения с идеей, проявляет любовь к мудрости. Поэтому

---

<sup>15</sup> В середине XX в. круг этих проблем входил в «теорию отражения».

<sup>16</sup> Можно обратиться к массе примеров, показывающих, что понимание у людей еще отсутствует. Пониманию мешают наличие внутреннего антагонизма, непрекращающиеся войны, терроризм и т. д.

неслучайно Платон от лица Сократа говорит, что рождение философа – редкое событие в жизни людей<sup>17</sup>.

Социально неоднородное общество является частичным, неполноценным (лишенным целостности) обществом. Такое общество не может быть всеобщим бытием для человека. Действительной природной социальной сущностью является единый, внутри не антагонистический организм, которым является социальная форма движения как атрибут Вселенной. Этот организм исторически созревает на Земле через общественные системы. Его «выстраивают», «развертывают» люди своим трудом. На фоне вызревания единого организма в неполноценных обществах происходят все коллизии человеческой жизни: появляются гении, таланты, бандиты, убийцы и т. п. В этой связи всеобщим бытием для человека как человека (социального существа) является не общество (как принято считать), а только социальная форма движения, которая находится в начальном процессе становления.

До сегодняшнего дня мудрость рассматривается как итог накопленного человеком (проживающим в том или ином обществе) знания. Богатство общественной жизни на земном шаре является всеобщим фактором для индивидуальной жизни человека. Человек стремится познать общественное бытие в его многообразии, выработать о нем понимание. По отношению к отдельному человеку целостная жизнь общества выступает мудростью.

Проявляя свою любовь в познании принципов всеобщего человеческого бытия и стремясь практически их осуществить, человек приобретает свойство мудрости. Того индивида, который приобретает богатство принципов общественного бытия в высшей степени по сравнению с современниками, называют мудрецом.

Уже было сказано, что род человека вышел из недр животной жизни и продолжил свое развитие через исторические формы общественного разделения труда, породившие частную жизнь индивида. Такие обстоятельства не способны формировать свободное универсально-всеобщее творческое существо, коим, по сути, является человек. Для того чтобы сформировать человека как человека, необходимы соответствующие условия, дающие возможность каж-

---

<sup>17</sup> См.: Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1990–1994.

дому индивиду проявлять себя ежедневно в свободном всеобщем-универсальном творческом процессе. Говорить о человеке как социальном существе можно только тогда, когда у каждого индивида имеется единство сущности и существования. Следовательно, когда мы имеем дело со свободным универсально-всеобщим творческим существом, способ повседневной жизни которого является свободным всеобщим универсально-творческим процессом, только тогда можно сказать, что перед нами полноценный (социальный) человек. Силами отдельного общества создать такие условия, которые позволили бы каждому человеку развивать свои природные социальные качества, невозможно. Для этого должен быть сформирован иной организм – социальная форма движения как атрибут Вселенной.

Человек как социальное существо сам является продуктом общественного развития, и в структуре его бытия не найдется того, что принадлежало бы ему: все его содержание – плод общественного. Индивидуально ему принадлежит только рефлексия – способ собственного существования, поведения, через что он и проявляет себя как личность. Это дает повод считать, что достижения индивида в подавляющем большинстве вызваны не собственными его способностями, а условиями, которые были созданы человеку для проявления его способностей, а уж только потом и реализацией его способностей. Это во-первых. Во-вторых, содержание новизны раскрывающихся способностей было заимствовано у общества или «подсмотрено» у природы, а поэтому скорее принадлежит обществу (людям), нежели собственному проявлению «творчества» индивида. Можно сослаться на мнение эзотериков, которые считают, что все выдающиеся «заслуги» человека – «подарок» эгрегора, а индивид выражает только божественную волю через собственные действия. Такой подход позволяет рассматривать человека как «мудреца» не в индивидуальном проявлении, а в контексте коллективной формы взаимодействия. Это означает, что индивид в общественной форме не может быть не только мудрецом, но даже любителем мудрости.

Только социальная форма движения как единый, внутри неантагонистический организм может быть для человека мудростью. Социальная форма движения как единый социальный организм

представляет собой неотъемлемую часть в структуре Вселенной. И здесь она рассматривается как единое совокупное образование. В-третьих, положительное достижение и жизнь индивида находятся в таком соотношении, что жизнь человека шире позитивного результата, полученного им, хотя, казалось бы, последний должен быть снятой формой всей прожитой индивидом жизни. Как правило, этого не случается, ибо наивысшие достижения индивида свершаются в расцвет его земной жизни как момент. В старости человек немощен. В связи с этим признание людьми величайших поступков индивида (за что он получает звание мудреца) выглядит как признание одной из сторон, а не всей его прожитой жизни. Это, в свою очередь, говорит о том, что оценка имеет как субъективный, так и абстрактный характер. И действительно, в процессе исторического развития в обществе появляются новые индивиды, которым дается тот же титул, но по другим заслугам или по другому основанию.

Только в обстановке социальной однородности создаются возможности каждому индивиду проявлять себя в повседневной жизни как любителю мудрости. Проявление данного свойства исходит от собственной природы человека как социального существа. Истинной любовью к мудрости в такой обстановке является не выделение каждым индивидом своей персоны среди соотечественников, (что имеет место до сегодняшнего дня), а утверждение социальной атмосферы, позволяющей каждому человеку реализовать свои творческие способности. Применительно к собственной (социальной) природе человека мудрость и любовь к ней – реальность. Но в условиях современной общественной жизни (внутреннего антагонизма и наличия частной собственности в обществе) мудрость и любовь к ней – миф.